

Раймунд Зайдельман

ТЕОРИИ КОНФЛИКТОВ И МИРА: КОНЦЕПЦИИ, ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ

Теории конфликтов и мира: общие моменты, проблемы и императивы

Теории конфликтов, как и исследования о мире и войне, имеют давнюю традицию в европейской политической мысли. Их анализ восходит к раннегреческим историкам, например Фукидиду, и включает выдающиеся работы, подобные сочинению Цезаря "О галльской войне"; вокруг теорий шли интенсивные теологические и политические дебаты в средние века, и они представляют собой часть Просвещения, о чем свидетельствует работа Канта "О вечном мире". Как важная часть политической философии, они отражают и вносят свой вклад в поиски идеального счастья, как и реального благосостояния; таким образом, в них намечается грань между поисками вечного мира и реальной безопасностью как личности, так и общества. Уже к 30-м годам XX в. с появлением политологии как науки *suí generis* возникают эмпирические исследования о войнах, подобные работе Куинси Райта, многочисленные историко-политические анализы причин обеих мировых войн. Со времени 60-х годов появляются самостоятельные субдисциплины, такие, как изучение конфликтов и исследования путей достижения мира со своими журналами, институтами, научными организациями и специфическими задачами. В то время как теория конфликтов определяет себя как традиционно беспристрастная наука, исследования о мире, которые начали развиваться в Скандинавских странах в 60-е (1) и распространились на другие европейские страны в 70-е годы (2), четко ориентировались на ценности, прогресс и выдвижение политических инициатив, часто апеллировали к теологической и философской традиции Европы и воспринимали себя как вклад в дело мира.

Теории конфликтов и мира часто конкурировали и продолжают конкурировать друг с другом, искали и продолжают искать свое лицо в академическом изоляционизме, а порой даже пытались создавать академическую монополию. Так, существовала тенденция не придавать значения их фундаментальной нормативной, а также эмпирической взаимосвязи и, более того, степени переплетения их проблематики. Таким образом, объективно - равно как и политически - необходимое сотрудничество между ними, а также с другими дисциплинами было редким явлением и часто налаживалось слишком поздно, чтобы воздействовать на политику или содействовать миротворчеству. К тому же существующие требования к междисциплинарному подходу часто сводятся к кумулятивному би- или мультидисциплинарному подходу или просто игнорируются. А связанный с политикой подход часто сводится к академическому критическому фундаментализму, низводящему все конкретные исследования и предложения к политическому алиби для статус-кво или к апологетическому разъяснению задним числом необходимости той или иной политики. Вообще говоря, сталкиваясь с такими позициями, европейская политика и политические элиты (3) часто не видели ни причины, ни какой-либо необходимости вступать в диалог или принимать советы от них. Хотя в 70-е годы политика разрядки и исследования о мире были "объективными союзниками", они все же не проявляли желания сотрудничать. И в то время как основное направление европейских исследований о мире не смогло наладить сотрудничества с правительствами, парламентами и партиями, ему также не удалось сделаться союзником или по крайней мере установить взаимодействие с движениями за мир, противостоявшими традиционной политике в конце 70-х и в начале 80-х годов. Раздираемые разногласиями изнутри, оттесненные на обочину в прошлом и все более испытывающие потерю к себе политического интереса, исследования о мире совершили крутой поворот. Покончив как с теоретическими, так и с нормативными дискуссиями о характере мира и безопасности, их авторы вновь открыли для себя эмпирический прагматизм и сосредоточились на конкретике, например на разоружении, контроле над вооружениями и мерах по укреплению доверия, давая таким образом сообществу тех, кто

занимается вопросами безопасности, ценные данные и содействие взамен своей прежней политической направленности. В наши дни, после того как признанная наука о конфликтах и мире сосредоточилась в основном на проблемах Востока и Запада - а также Севера и Юга, составляющих совершенно отдельную сферу - и в особенности на ядерном вопросе в период конфликта Восток - Запад, эти дисциплины столкнулись с внезапным отсутствием политического лица, а также тем, что впервые в исследованиях о мире со времени 70-х годов привело к творческому кризису. Исследования о мире в настоящее время находятся в процессе переосмысления, ищут новые темы, заново определяют научно-исследовательскую проблематику и добиваются новой легитимации. Даже критически важная, но забытая дискуссия о том, может ли - и если да, то в какой степени - мир быть установлен военными средствами (т.е. вся дискуссия о поддержании мира и миротворчестве применительно к реалиям второй войны в Персидском заливе, войны в Югославии и событиях в Сомали), вновь оживилась и может положить начало новым теоретическим, равно как и нормативным открытиям.

Для понимания сущности исследований о конфликтах и мире, правильного восприятия внутриакадемических дебатов об этой переориентации, а также дискуссии между академическими учеными и политиками о будущей роли таких дисциплин для обществ, часть которых они составляют, здесь следует сделать четыре общих замечания.

Во-первых, как упоминалось выше, нынешние исследования или исследования нынешних конфликтов должны обогатиться, с одной стороны, историческими данными о конфликтах как в Европе, так и за ее пределами, а с другой - идеями и результатами изучения прошлого, включая те, что порой рассматриваются как донаучные. Сочинения древнегреческих и древнеримских авторов, а также трактаты о богословских спорах в средние века могли бы расширить аналитический фокус и помочь преодолению традиционной фиксации на нации-государстве, если бы мы на опыте Римской империи, Священной Римской империи, Габсбургской монархии учились тому, как подходить к разрешению конфликтов внутри обществ и между ними. Такая переоценка истории и уроков прошлого помогает избегать скрытой тенденциозности в современной науке о конфликтах (конфликтологии), или по крайней мере стимулирует размышления об этом. Тенденциозность проявляется, например, в рассуждениях о том, что общества должны быть организованы в национальные государства, определяемые по территориальному признаку, или в более расхожих тезисах о том, что после окончания конфликта Восток - Запад национальные государства в Восточной Европе должны быть сохранены, чтобы обеспечить большую стабильность Запада.

Во-вторых, и это становится очевидным при практическом применении вышеназванных идей, исследования о конфликтах и мире в особенности отражают две фундаментальные социофилософские традиции - реалистическую и идеалистическую - в европейском мышлении, которые соперничали друг с другом, накладывались друг на друга и взаимно друг друга подкрепляли. С одной стороны, реалистический взгляд стремился понять властный аспект конфликтов, а также порядки и структуры, их сдерживающие; с другой стороны, идеалистический взгляд сосредоточивался на ценностном аспекте конфликтов и постепенных изменениях. Рассматривая эти две линии мышления как бы в диалектическом переплетении, следует установить взаимосвязь между идеями Макиавелли о способе управления государством и утопической модели идеала Кампанеллы. Это, например, означает, что политически эффективный современный европейский порядок должен не только признавать принцип существования конфликтов, но и сочетать это с потребностями мира и безопасности.

В-третьих, развитие этих дисциплин является не только ориентированным вовнутрь, т.е. руководствуется научно-академическими критериями или образцами, но связано с общественной дискуссией, политическими заботами общества и процессами обучения масс и элит. Эта связь между исследованиями конфликтов и мира и политическими событиями во "внешнем" мире становится очевидной, если посмотреть на развитие исследований о мире в 60-е и 70-е годы. Удалось ли исследованиям о мире воздействовать на политику или нет - объективно они составляли определенное дополнение к политическим мероприятиям. Их авторы не только касались цены и

риска военного конфликта Восток - Запад, но и хотели использовать разрядку для того, чтобы решить эти проблемы - или по крайней мере лучше контролировать их. Нынешний кризис идентичности и легитимности признанных исследований о мире точно отражает проблемы нынешних политических элит в Европе и перестройки их мышления после окончания конфликта между Востоком и Западом.

В-четвертых, исследования о конфликтах и мире должны быть четко увязаны с общей идеей общественного развития. Опять же реалисты часто рассматривают конфликты, применение военной силы и доминирующую роль нации-государства как "естественные", т.е., в сущности, незыблемые. Сторонники крайних взглядов определяют роль конфликтов и войны в дарвиновском духе, т.е. как здоровое очистительное средство, законное средство перемен, необходимое для исторического развития. Идеалисты, однако, исходят из того, что общества в принципе способны учиться и в качестве одного из важных шагов в таком историческом процессе обучения они могут научиться использовать ненасильственные механизмы как средство замены войн и других типов военных конфликтов. И вновь такая апелляция к глубинному постижению общества важна как для анализа, так и для политических шагов. Введение моделей интеграции ЕС в целях изменения меж- и внутригосударственных политических структур и моделей конфликтов на пути к общеевропейскому порядку основано как раз на данном понятии: о том, что даже в ныне ренационализирующейся Восточной Европе интеграция, объединение и - в то же самое время и в результате этого - умиротворение в принципе достижимы.

Один из процессов интеллектуального обучения ядерного века и особенно политики разрядки заключается в том, что мир не только продукт нормативного мышления или благое пожелание, но состояние, соответствующее коренным интересам как отдельных обществ, так и мирового сообщества. Эта взаимосвязь между моралью и интересами не изменилась после окончания ядерной конфронтации между Востоком и Западом. Очевидно - даже в отношении политической нестабильности в бывшем Советском Союзе, - что после окончания конфликта Восток - Запад опасность преднамеренного, как и случайного обмена ядерными ударами значительно снизилась, однако она продолжает существовать, и если вспомнить о худших сценариях распространения ядерного оружия, то она может стать даже большей, чем в период ядерной гегемонии США и СССР. И вновь: являемся ли мы сторонниками подхода Руссо или Гоббса, т.е. вопрос не в том, желателен ли мир или возможен ли он, но в том, как его достичь.

Концепция конфликта: от конфликта к миру

Хотя исследования о конфликтах и мире рассматривают одни и те же проблемы, их специальные и разные подходы привели к различным, но взаимодополняющим результатам по вопросу об основополагающем определении конфликта и мира. Таким образом, нижеследующая дискуссия по поводу концепции конфликта может в основном пользоваться исследованиями о конфликтах, в то время как концепцию мира можно объяснять со ссылками на исследования о мире. Однако в соответствии с гипотезой, лежащей в основе этих статей, - о том, что нужен более обобщающий подход для достижения новой новаторской динамики в исследованиях о конфликтах и мире и что в рамках этого обобщения необходимо разработать более всесторонний взгляд, т.е. связать друг с другом как подходы дисциплины о мире, так и подходы конфликтологии, - следует коснуться также и трех других взаимосвязей, которые часто не замечались в прошлом.

Во-первых, и конфликты, и мир как состояния взаимосвязи между политическими единицами, например национальными государствами, могут быть объяснены и разрешены только в том случае, если традиционное разделение на внутреннюю и внешнюю политику будет заменено концепцией, в которой также будут взаимосвязаны различные уровни анализа, (4) включая различные секторы общества. Это особенно верно в отношении растущей международной взаимозависимости, регионализации и глобализации вкупе с также растущей "медиазацией" - расширением и углублением роли средств массовой информации (СМИ) в динамике конфликтов. (5)

Во-вторых, столь же опасно отделение друг от друга внешней, экономической и военной политики. Конфликты "чисто" политического, экономического, военного или иного характера встречаются редко; в большинстве случаев мы находим смешение причин. Идея о том, что мир и безопасность имеют политическое, экономическое, военное, социокультурное и т.п. "измерение", должна вдохновить аналитика на поиски взаимосвязей между этими измерениями. В особенности если обратиться к анализу динамики конфликтов, как в плане их эскалации, так и в плане их разрешения, часто можно обнаружить характерный эффект подпитки между, например, экономическим и военным измерениями: войны не только характеризуются боевыми действиями, но и имеют огромные политические и экономические последствия, как ожидаемые, так и непредвиденные.

В-третьих, в реальной политике очень редко проявляется, как это часто себе представляют, антагонизм между конфликтами и сотрудничеством в отношениях между обществами или внутри одного общества. В большинстве случаев - и даже в конфликтах с высокой степенью эскалации - налицо и конфликт, и сотрудничество; в некоторых случаях конфликты рожают консенсус, каким бы ограниченным он ни был. Это значит, что при анализе конфликтов должна изучаться взаимосвязь между сотрудничеством и конфликтами, а также что урегулирование конфликтов и миротворчество должны пользоваться существующим открытым или молчаливым консенсусом между конфликтующими сторонами.

Окончание конфликта между Востоком и Западом представляет собой пример того, как действуют эти три императива. Во-первых, разрядка, равно как и политика ОБСЕ четко увязывали внешнюю политику и внутренние изменения, стремясь к снижению угрозы извне и поощрению внутренних реформ. Во-вторых, концепция и реальность политики разрядки и политики ОБСЕ были основаны на стратегии широкого размаха, устанавливавшей связь между безопасностью и политическим и экономическим сотрудничеством. Именно новое открытие политических и экономических средств осуществления целей безопасности сделало разрядку столь успешной и явилось первым шагом в процессе урегулирования конфликта Восток - Запад. И в-третьих, свойственное разрядке сочетание инициатив и санкций - от сооружения газопроводов до решения НАТО об "улице с двусторонним движением", - а также специфическое разделение труда между США и западноевропейцами в деле разрядки стимулировали процесс обучения советских элит.

Конфликт

Хотя исследования о конфликтах и мире требуют признания их своеобразия, основанного на различных подходах и ценностных установках, они все же взаимосвязаны не только в общем, как подчеркивалось выше, но и в специфике, если определять мир как состояние либо порядок (внутри общества и/или между обществами, организованными ныне как национальные государства), который на деле исключает войну, и если определять войну как вид конфликтного поведения. Теперь, чтобы суммировать развитие теории конфликтов и избежать необходимости припоминания каждого шага в этом развитии (6), концепцию конфликтов, коль скоро она в наши дни доминирует в научных исследованиях, можно вкратце изложить с помощью следующей аргументации из четырех пунктов.

Во-первых, конфликт большей частью - и справедливо - определяется как результат несовместимых интересов заинтересованных актеров. Его особенности с точки зрения характера спорных вопросов, интенсивности конфликтного поведения и экстенсивности его размаха зависят от степени несовместимости или исключительности интересов, а также политической релевантности последних. Существуют интересы не только вещественного (substantial) свойства - территориальные приобретения, экономические преимущества или военно-стратегические выгоды, - но и позиционного характера. Позиция связана со структурой власти и местом отдельного актера в рамках такой структуры. Будучи как субъектом, так и объектом властных структур или порядков, позиционные приобретения или потери могут быть важными интересами как таковые или в сочетании с интересами вещественного характера. Хотя существует разница в целях и средствах между позиционными и вещественными интересами, они, тем не менее, взаимосвязаны. И эта

взаимосвязь позволяет получить прямой аналитический доступ к властным структурам через исследования стремлений к удовлетворению вещественных интересов, привнося таким образом реалистические подходы в анализ. Такой градуированный и взаимодополняющий подход не только дает возможность лучшего "измерения" интересов, равно как и их "иерархизации" и "инструментализации", но и открывает пути к стратегиям разрешения конфликтов, основанным на сбалансированных пакетных сделках, компенсации асимметричных интересов и постепенном нахождении компромисса, включая разработку формул общих интересов. В дополнение к этому он вводит идею властных структур и окон возможностей в эмпирический анализ конкретных интересов, т.е. дает возможность систематического обобщения и введения более высоких уровней анализа. Таким образом, он представляет ценность как для детального эмпирического и систематического анализа, так и для политических рецептов.

Во-вторых, конфликт рассматривается в объективных и субъективных терминах. Структурные конфликты или конфликтные потенциалы являются результатом отмеченной выше разницы интересов, они существуют объективно - даже если задействованные актеры об этом не подозревают. Если и когда актеры осознают такие объективные конфликтные потенциалы - а это политический процесс, т.е. зависимый от конкретных политических приоритетов, политических интересов и политической динамики, - и решают определить их как политические проблемы либо активно, либо более реактивно, объективный потенциал ведет - или, скорее, может вести - к конфликтным политическим шагам. Субъективное восприятие тем самым преобразует объективный конфликт в манифестный, актуальный или "открытый" конфликт, определяемый конкретными мерами, такими, как военные, политические или экономические действия, в поддержку собственных интересов в противовес интересам другого актера. В итоге конфликт есть результат потенциала и его политической актуализации, иными словами, конфликт окончательно оформляется как манифестным конфликтным поведением, так и конфликтным потенциалом. Проведение такого разграничения между потенциальным и манифестным конфликтами опять же имеет как аналитическую, так и политическую релевантность. Оно дает возможность поиска возможных конфликтов задолго до их возникновения, т.е. придает анализу конфликтов роль политического раннего предупреждения, оно подчеркивает релевантность субъективного фактора (который, по определению, открыт для влияния), сдержанности и функциональной эквивалентности и дает ясно понять, что отсутствие конфликтного поведения или прекращение открытого конфликта не обязательно означает разрешение самого конфликта, подвергая, таким образом, сомнению традиционные политические мероприятия по контролю над конфликтными ситуациями.

В-третьих, конфликт - это еще и вопрос конфликтного поведения. Введение поведенческих аспектов (как отдельных и с логической точки зрения "равных" категории интереса) не только обосновывается тем фактом, что конфликтные проявления, по определению, выражаются в поведенческих категориях, но также и тем, что, несмотря на приведенный выше логический аргумент, политическая реальность показывает, что манифестный конфликт возникает даже без значительных конфликтных потенциалов, т.е. без конфликтующих интересов. Назвав это "метаконфликтом", конфликтология должна была или признать свои методологические границы при определении этих созвездий интересов, которые составляют конфликтный потенциал, или искать другие объяснения. Следовательно, несовместимые интересы рассматриваются теперь не как "единственная", но как лишь "одна" из причин конфликтного поведения. Другой причиной является поведенческая динамика, т.е. конфликтная динамика, основанная на цепочках взаимодействия (interaction chains), петлях обратной связи (feed-back loops) и процессах эскалации, в которой поведенческая динамика доминирует над моделью конфликта, в то время как лежащие в основе интересы или вещественные цели конфликта играют подчиненную роль или маргинализируются в конфликтной динамике. Действительно ли и в какой степени конфликт является конфликтом и/или метаконфликтом, зависит от конкретного случая. Первая мировая война, например, рассматривается как классическая (конфликт по поводу положения в созвездии европейских держав со всеми экономическими, политическими и военно-стратегическими последствиями, которые подразумеваются) и несет в себе типические характеристики метаконflikта, если объяснить ее возникновение (более или менее нечаянное соскальзывание на

путь войны вследствие модели взаимодействия, ведущей к политической и неконтролируемой эскалации). И вновь: привнесение поведенческого аспекта дает возможность дальнейшей классификации, дифференциации политических мер контроля. Таким образом, выявление объема и глубины ущерба, а также соотношения затрат, риска и выигрыша от применения различных инструментов конфликтного поведения - в международном конфликте перечень инструментов варьируется от дипломатических, экономических до военных средств или их комбинации (в случае военных средств - от простой угрозы обычными вооружениями до угрозы нанесения ядерного удара) становится дополнительным шагом при анализе конфликтов.

Наконец, в-четвертых, ориентация данной аргументации на актера должна быть дополнена анализом системы. Как упоминалось ранее, актеры являются не только субъектами международной политики, включая конфликты, но также и объектами. Это означает не только то, что актер А является объектом потому, что актер Б начинает конфликтовать с ним, но и то, что основная модель конфликтного поведения, определения интересов и стремлений к их удовлетворению, а также формирования политики обоих актеров в большой степени детерминирована или находится под влиянием системы, частью которой (вольно или невольно) является данный актер.

Следовательно, некоторые системы - региональные, секторальные, сферы спорных вопросов и т.д. - являются более конфликтогенными по сравнению с другими благодаря своим специфическим структурам и поведенческим моделям актеров, которые в свою очередь и отражают, и формируют эти структуры. Учет этих структур, моделей и динамики системы существенно важен для понимания и разрешения конфликтов. Сам этот анализ взаимосвязи между актером и системой привел к идее дилеммы безопасности актера - национального государства в сегодняшнем международном порядке - и далее к идее структурного принуждения даже явно несогласных актеров к принятию системной динамики и, наконец, к идее интеграции, федерализации и объединения (например, в Европе), с тем чтобы наметить лучшие пути контроля и управления конфликтом.

В итоге этот аналитический подход означает, что, когда анализ конфликта сосредоточивается сначала на интересах, восприятиях, выборе вариантов инструментария и поведении актеров, а затем на системе, в которой действуют актеры конфликта, разрешение конфликтов должно обязательно являться процессом, направленным на выработку или функционирование в рамках существующей большой стратегии, постепенно охватывающей все эти четыре фактора поведения заинтересованных актеров в дополнение к системе или подсистеме, в которой фактически происходит конфликт. С точки зрения практической политики это дает своего рода справочный перечень факторов, на которые нужно обращать внимание, стремясь найти адекватное решение проблемы.

Мир

Что касается исследований о мире, то подобная аргументация неудовлетворительна. В ней отсутствует прогрессивная перспектива, необходимая в условиях, которые исследователи мира рассматривали как ситуацию "последней минуты", порой эксплуатируя затаенные страхи перед катастрофическими событиями: от ядерной войны и массовой иммиграции иностранцев до экологического краха. В дебатах о мире и конфликтах специфический вклад исследований о мире заключается в развитии концепции насилия, а также идеи и определения мира.

Введение концепции насилия в качестве составной части при анализе конфликтов сначала наталкивает на мысль сфокусировать анализ конфликтного поведения на насилии. Поиски насилия или прямого ограничения или нарушения воли, благосостояния или общей идентичности индивида, группы и/или национального государства позволили аналитикам упорядочить разное конфликтное поведение и применение различных инструментов или вариантов в виде четкой иерархии. Это было правомерно и имело смысл в ситуации, когда ядерная катастрофа как предельная форма насилия казалась сильнейшей угрозой, которой поэтому следовало избегать любой ценой. Иерархизация насилия дала возможность не только установить порядок различных форм, путей, степеней интенсивности и размаха насилия, но и сравнить различные виды конфликтного поведения, т.е.

используемые при этом инструменты и варианты, например политику военного вмешательства или экономических стимулов, важных для развития и легитимации политики разрядки в противовес традиционной политике конфронтации и сдерживания.

Затем был сделан второй шаг - обращение к аспектам интересов и системы. Исследования о мире - и особенно "критические" - разработали разграничение между фактическим (actual) и структурным насилием. В то время как манифестное конфликтное поведение может представлять собой фактическое насилие, структурное насилие обнаруживается в структурах, которые несправедливы или дискриминируют некоторых актеров. Другими словами, утверждалось, что такие структуры порождают насилие ввиду присущего им распределения власти или связанной с ним реализации интересов. В соответствии с традиционной "левой" политической платформой это привело к тому, что традиционно повышенное внимание конфликтологии к проблемам противостояния Востока и Запада дополнилось таким же вниманием к вопросам антагонизма между Севером и Югом. Исследователи мира полагали, что этот антагонизм является самым ярким примером структурного насилия.

Третьим результатом фокусировки анализа конфликтов на насилии были сознательные поиски ненасильственных реакций на применение насилия в манифестных конфликтах. В то время как концепции общественной защиты и гражданского неповиновения, как и обращение к ненасильственным стратегиям Ганди, играли лишь маргинальную роль, идея выработки непровоцирующих ответов, мер по деэскалации и снижению напряженности в конфликтах, а также по предотвращению конфликтов оказали значительное влияние на разрядку, контроль над вооружениями и политику разоружения.

Аналитическую ценность открытия категории насилия не следует расценивать как бесполезную на том основании, что в этой дискуссии в общественных кругах доминируют упрощенные баталии между фундаменталистами (или пацифистами) и реалистами (или людьми, считающими законными применение насилия для поддержания порядка). Таков был в последнее время фон дискуссии о поддержании мира силами ООН. Как только дебаты перемещаются от общего к конкретному, т.е. отдельным случаям, насилие (и стратегии по его преодолению) становится более сложной и динамичной проблемой, при которой вопрос "насилие: да или нет" сменяется вопросом: "что, в какой степени, когда и какое насилие имеет место", а также "какое встречное насилие эффективно или как оно может быть легитимировано".

Хотя использование категории насилия ведет серьезного аналитика, и особенно того, кто разрабатывает политические решения, к более дифференцированному пониманию проблемы, принятие концепции мира имеет более общий эффект. Оно вновь открывает путь к обобщению или обретению заново "большой" идеи, которая часто теряется из виду в эмпирической или казуально ориентированной конфликтологии. По сравнению с концепцией конфликта идея мира ориентирована на ценности и цели. Она воспринимает реальность как в целом поддающуюся и подлежащую улучшению, а мир - как необходимое и легитимное состояние общества, которого нужно достичь, и как ясную обязанность науки и политики продвигать вперед дело мира. Как таковая концепция мира способствовала не только распределению по категориям тех или иных порядков и/или политики актеров, включая сравнение различных порядков и моделей, но и созданию нравственного императива для общества. (7)

В этом мировоззрении три аспекта имеют особое значение. Во-первых, исследования о мире - подобно конфликтологии - воспринимают мир как технократическую необходимость, так как рентабельность мирного урегулирования конфликтов, измеряемая в совокупных политических, экономических и военных затратах (8), "дешевле" немирных решений. Во-вторых, и в дополнение к этой "технократической" рациональности, исследования о мире - в данном случае в противоречии с конфликтологией - рассматривают немирные решения как нелегитимные или направленные против основных человеческих ценностей. И в-третьих, исследования о мире подразумевают, что мир не только абстрактная или утопическая идея, но может быть претворен в жизнь благодаря

операциональному понятию миротворчества. И вновь постепенность, реформизм и вера в исторический прогресс или политическое обучение являются важнейшими элементами такого понимания мира.

При такой открытой мирной ориентации исследования о мире должны операционализировать идею мира. В этом плане разработана концепция негативного и позитивного мира, что опять же не только дало возможность проведения более совершенного анализа, но имело и значительную предписывающую функцию. Негативный мир - это подход, направленный на минимизацию, сокращение, преодоление и т.д. как способности, так и желания применять насилие в конфликтах. Если применить концепцию иерархии насилия, это значит, что следует избегать непосредственного применения вначале обычных, а затем ядерных вооружений и других видов оружия массового поражения; в духе имплицитного градуализма исследований о мире это означало вначале установление контроля за ядерным потенциалом, а затем его сокращение и т.п. В то время как в рамках исследований о мире в период европейских выступлений в защиту мира, например в середине 50-х, 60-х и 70-х годов и особенно в 1979-83 гг., сторонники фундаменталистских взглядов требовали одностороннего разоружения, революционных решений и политики неподчинения согласованным решениям НАТО, реалистичный градуализм контроля над вооружениями, возобладавший в Европе в конце 70-х годов, как выяснилось, добился большего успеха в выдвигании конкретных и приемлемых идей для политических решений.

Позитивный мир должен восприниматься как необходимое дополнение к негативному миру. Там, где негативный мир стремится ликвидировать все инструменты и варианты насилия, позитивный мир стремится создать такую политику, механизмы и структуры, которые не только на деле исключают способность и волю к применению насилия, но и создают такие сочетания интересов или такие процессы гармонизации интересов, при которых конфликты либо не возникают, либо разрешаются на самой ранней стадии. Интеграция Западной Европы после 1945 г., политика разрядки в 60-е и 70-е годы и процесс СБСЕ с момента своего начала в 70-е гг. - все это примеры политики, основанной на идее позитивного мира. И не случайно, что урегулирование ближневосточного конфликта рассматривается не только как прекращение насилия, но и как установление "позитивных" моделей, т.е. ориентированных на консенсус и вырабатывающих консенсус, опирающихся на общие интересы и формирование наднациональных структур. Сходным образом многие модели компромиссов для снятия конфронтации Севера и Юга основаны на идее о том, что создание справедливых экономических и политических условий, в том числе Нового Мирового Порядка, при которой такая договоренность о глобальном равенстве шансов будет действительно соблюдаться, не только способствует политической деэскалации и новой стабилизации всемирной системы, но и является условием процессов всеобщего разоружения.

Несмотря на тупиковые подходы фундаменталистского эскапизма и революционного романтизма в исследованиях о мире, последние внесли значительный вклад не только в дело лучшего анализа, но и в лучшее разрешение конфликтов. Они принесли с собой четкий фокус, базирующуюся на ценностях иерархию политических инструментов и вариантов действия, более широкое и более политическое понимание военного конфликтного поведения. Они выработали новые идеи, например идею позитивного мира, и поставили на повестку дня исследований и политики конфликты между Севером и Югом.

Вопреки кардинальным расхождениям с конфликтологией по поводу роли ценностей в науке и роли науки в своих обществах исследования о мире, тем не менее, доказали, что являются существенным дополнением к конфликтологии, не только вдохнув новую жизнь в изучение конфликтов, но и обогатив арсенал политики.

Подходы: от моно- к дополняющей мультикаузальности

Родившись в тени признанной политической науки, теории конфликтов и мира не только извлекли пользу из теоретических, концептуальных и методологических успехов, уже достигнутых во все

более совершенствующейся дисциплине международных отношений, но также еще раз подтвердили и уточнили уже существующие знания. Хотя конфликтные исследования - и особенно американских ученых - претендовали на то, что они составляют нечто совершенно новое и неизвестное и поэтому нередко игнорировали уже существующую концептуализацию или пренебрегали ею, а исследования о мире - и особенно их критическая составляющая - сами пытались порвать с традиционной политологией, обе эти дисциплины имплицитно использовали или эксплицитно заново изобретали подходы, хорошо известные и в европейских, и в американских общественных науках. Как с точки зрения исторического развития, так и с точки зрения аналитической ценности можно выделить четыре аналитически и политически релевантных подхода: структурный, функциональный, поведенческий и подход к процессу принятия решений. Обсуждение их ниже в отдельности не дело принципа; мы поступаем так лишь для ясности изложения. Из вышеприведенных определений конфликта и мира следует, что каждый из этих подходов позволяет нам сосредоточиться на отдельном аспекте, элементе и измерении отдельного конфликта или класса конфликтов, но составляет лишь одно, но не единственное концептуальное условие.

Другими словами, анализ конфликтов понимается - как и в общественных науках вообще - как поиск более чем одной причины. Лишь мультикаузальное объяснение дает достаточное разнообразие объяснений, и вдобавок к этому оно должно быть всесторонним, т.е. должно выявить, взвесить и связать друг с другом различные отдельные причины. Это, однако, можно сделать лишь тогда, когда используется более чем один подход.

Структурный подход

Структурный подход предполагает, что политика и политические решения являются результатом структур, детерминирующих сущность, качество и диапазон действия или бездействия. Структуры рассматриваются как сравнительно независимые от политического времени, режима или актера. Однако они не являются вечными, естественными или трансцендентально данными, но представляют собой результат конкретных политических действий своих или внешних актеров во временном цикле, будучи таким образом открытыми для перемен, обычно перемен относительных (перемены могут считаться результатом как кумулятивных, неуклонных или взаимодополняющих действий, так и внезапных срывов, когда либо превышены способности к адаптации, либо уровень давления стал выше способности системы адекватно отреагировать на изменения, эти проблемы порождающие).

Политические структуры являются как продуктом, так и причиной интересов. По традиции структурный подход фокусируется в первую очередь на интересах, а затем конструирует системы или структуры интересов. Поэтому он особенно привлекателен для анализа конфликтов. Во-первых, его особое внимание к интересам делает структурный анализ особенно плодотворным для понимания конфликтов, коль скоро они вызваны негативным вмешательством в сферу чьих-либо интересов. Во-вторых, особый фокус структурного анализа на взаимосвязи между вещественными интересами и властными структурами позволяет в полной мере использовать как концепцию насилия, так и концепцию мира, т.е. разработать структуру с минимумом насильственной власти как в ее реальной (actual) форме, так и в структуре как таковой. В-третьих, присущий ему поиск основополагающих структур (basic frameworks) - как синхронически, так и диахронически обобщающих - особенно применим к тем из них, чьи интересы заключаются в усвоении уроков и в определении специфического и общего аспекта конкретных казусов конфликта.

Поэтому неудивительно, что структурные подходы нашли применение в исследованиях и о конфликтах, и о мире, способствуя не только широкому распространению взглядов о структурной релевантности конфликта между Востоком и Западом, но и общих идей о роли конфликтов в формировании как международных, так и внутринациональных структур и политических порядков. Идея дилеммы безопасности, а также характеристика международного порядка как системы организованного отсутствия мира (non-peace) являются важными результатами структурного

анализа. Хотя различные идейные школы предлагали разные модели структур - например, в спорах о том, являлись ли модели конфликтов в Советском Союзе в большей степени результатом идеологических или властных интересов, - они все же были едины в том, что лежащие в основе структуры существуют, определяют или по крайней мере сильно влияют на проводимую политику, а искусство - или наука - политологии состоит именно в том, чтобы обнаружить эти структуры и показать, как и в какой степени они работают.

Функциональный подход

Несмотря на все аналитические заслуги структурного подхода, наука о международных отношениях в целом и анализ конфликтов в частности нередко сталкивались с двумя ограничениями, присущими структурному анализу.

Во-первых, во многих анализах, в которых применялся этот подход, появлялась скрытая тенденция к гармонии; поиски совершенной структуры обесценивали идею перемен. Для анализа конфликтов это означало, что будет недооценена конфликтная динамика; для исследований о мире это означало, что не будет введено понятие прогресса. Не случайно, например, структуралисты определяли такие национальные государства, как ГДР и Советский Союз, как стабильные, со всеми вытекавшими из этого их политическими рекомендациями по отношению к этим странам, ибо они считали хорошо организованные и эффективно управляемые политические системы этих стран неизменными (9). События показали, что структурная стабильность была сильно переоценена, а внутренние - и структурные - противоречия недооценены. С точки зрения дефиниции конфликта структурный анализ в своих поисках "совершенной" структуры упустил из виду воздействие конфликтных потенциалов.

Второй недостаток структурного анализа особенно проявился в анализе конфликтов и мира, когда стало ясно, что контроль над вооружениями не смог заполнить брешь между структурной необходимостью или требованием контроля над вооружениями и разоружения, с одной стороны, и политической неспособностью следовать такой объективной необходимости - с другой (хотя политические элиты - по крайней мере с 70-х годов - субъективно осознавали ее). Таким образом, структурный анализ сумел определить рамки конкретных политических действий, но не смог объяснить поведение конкретных актеров или политические модели. В то время как ограниченная объяснительная вариантность структурного анализа казалась терпимой при анализе "обычных" вопросов, она считалась неудовлетворительной в случаях, подобных конфликту Восток - Запад, с его потенциальным вариантом ядерной войны и всемирного самоубийства. Наконец, политические события 80-х годов возбудили дополнительные сомнения относительно действенности структурного подхода. Переломные политические события, например двойное нулевое решение в переговорах по ракетам средней дальности, мирная революция в ГДР и объединение Германии и, наконец, распад Советского Союза, казалось, демонстрировали, что в критических случаях структуры ломались намного легче и быстрее, чем предполагалось.

Функциональный подход как будто бы преодолел концептуальные недостатки, оставшиеся от структурного анализа. Свойственные ему искания взаимосвязей различных факторов - и компонентов структур, - а также моделей взаимодействия на различных уровнях обобщения позволили сфокусировать внимание на динамике, диалектике преемственности и перемен, равно как и на прогрессе или регрессе, если ввести идею исторической зрелости.

Вследствие этого функциональный анализ, во-первых, подчеркивал функциональную взаимосвязь политики как деятельности (politics) и как отдельных мероприятий (policies), а также политических порядков. Для конфликтологии это означало введение анализа целей и средств, расчетов затрат, риска и выигрыша и применение концепций функциональной рациональности. Для исследований о мире это открыло дорогу для поисков функциональных эквивалентов насильственным конфликтным решениям и для идей позитивного мира, общей безопасности и динамики снижения напряженности. Во-вторых, функциональный анализ сосредоточился на проблеме той вариантности

политического действия, которую не мог объяснить структурный анализ, т.е. ежедневной конкретной политической деятельности. Давая функционалистские объяснения проблемам, начиная от гонки вооружений до амбиций сверхбезопасности и советских ракет средней дальности, функциональный анализ обогатил и расширил структурный подход и оказался особенно ценным в деле объяснения и прогнозирования политических перемен.

Таким образом - особенно в европейских исследованиях о конфликтах и мире - структурно-функционалистский подход был разработан именно для преодоления ограничений структурного и функционального анализа путем их сочетания. И вновь концепция интересов показала свою ценность; она явилась недостающим звеном между структурами и актерами и дополнила анализ конфликтов подходом к взаимосвязанным потенциальному и манифестному конфликтам.

Подход к процессу принятия решений

В рамках этого брачного союза между структуралистами и функционалистами анализ принятия решений приобрел значимость для исследований о конфликтах и мире, особенно когда аналитики искали генезис конфликтов и выработывали их решения. Как упоминалось выше, потенциальный конфликт становится манифестным, когда актеры осознают несовместимость интересов.

Этот процесс осознания, определения проблемы, выбора вариантов и осуществления курса является в первую очередь делом политических элит, владеющих полномочиями на принятие таких решений. Как концептуальная разновидность функционализма, подход к процессу принятия решений требует микроанализа ключевого шага в возникновении конфликта. Его релевантность становится очевидной не только при анализе представлений и заблуждений, включая лежащие в его основе исторические и функциональные модели, но и при изучении переговоров, столь важных для управления конфликтом и его урегулирования. Хотя исследования процесса принятия решений часто характеризуются тенденцией, связанной с вышеотмеченной проблемой уровня анализа - они недооценивают интерактивный характер конфликта и динамики разрешения конфликта и переоценивают компетентность, легитимность и свободу действия национального руководства, - подход к процессу принятия решений все же расширил структурно-функциональный анализ двояким образом: он определил принятие решений как процесс, в котором национальные интересы (следует напомнить читателю, что национальное государство все еще является доминирующим актером в международных отношениях и что правительствам национальных государств - если они хотят оставаться у власти - в первую очередь приходится искать внутреннюю, а не международную поддержку) операционализируются в политические действия в соответствии с некоторыми моделями, условиями и механизмами. Данный подход открыл пути для международного взаимодействия и особенно анализа переговоров. Во многих исследованиях по контролю над вооружениями особенно подчеркивались преимущества этого подхода в объяснительном плане; аналитикам конфликтов он показал генезис конкретных политических мероприятий, как, например, вооружение вообще и ядерное вооружение или разоружение в частности; исследователям мира он позволил воспользоваться идеей о рациональности-иррациональности при принятии решений, о различии между ценностно ориентированной политикой и политикой, ориентированной на интересы, и о развитии идей обучения миру в целях изменения моделей и структур конкретного процесса принятия решений.

Поведенческий подход

В то время как подход к процессу принятия решений имплицитно основан как на функциональном, так и на структурном подходе, поведенческий подход определенно является подвидом функционализма. Разработанный и почитаемый главным образом в США, он фокусировался на интерактивном аспекте формирования международных и внутристрановых конфликтов. Отражая долгую и своеобразную традицию, для которой характерна безотчетная неприязнь к критической теории и ценностно ориентированному анализу вообще, и определяя себя как альтернативу структуралистскому взгляду, поведенческий подход был отмечен тремя достижениями.

Во-первых, он обратил особое внимание на специфическую разновидность манифестного конфликта: конфликт без причин или конфликты, в которых различия интересов являются или становятся второстепенными, тогда как эскалация, интенсификация, расширение и дальнейшее пренебрежение нормами - т.е. конфликтное поведение - становятся доминирующими источниками их динамики. Когда структуралисты характеризуют подобный акцент как неспособность или нежелание бихевиористов выявлять скрытые интересы, им, тем не менее, приходится признать, что поведенческая динамика играет важную роль (во многих конфликтах) и обогащает как функциональный анализ, так и анализ, основанный на процессе принятия решений. И вновь югославский кризис служит примером того, как легко и быстро поведенческая динамика может возобладать над давно утвердившимися моделями и даже структурами.

Во-вторых, теории - или, вернее, теоремы - стимула и ответа, игры и системной динамики вызвали появление ряда интересных эмпирических исследований, таких, как систематический анализ событий и ядерного сдерживания, а также подвели к началу моделирования. То, что в большинстве случаев в этих анализах не доставало необходимых теоретических пре- и пострефлексий, а результаты часто бывали наивными или тривиальными, не означает, что они не имели даже для структурно-функционального подхода некоторых полезных и стимулирующих функций.

В-третьих, эти бихевиористы благодаря своему увлечению манифестными действиями и потребностям моделирования собрали многочисленные данные, и это опять же не следует недооценивать в плане анализа конфликтов. Синхронические или диахронические, межнациональные или внутринациональные, специализирующиеся на видах деятельности или характеристиках, бихевиористы (в основном американские) выпускали справочники и сборники данных, включавшие предложения по их организации или классификации по измерениям и т.п., которые полезны даже для структуралистов. Они полезны не с точки зрения своих антитеоретических подходов или своей переоценки квантификации, но с точки зрения практического использования огромной базы данных. Однако тот факт, что все эти исследования и модели описывали, а не объясняли конфликты, что большая часть собранных данных и обобщений оказалась или теоретически, или эмпирически необоснованной и что даже методики причинного и имитационного моделирования не стали адекватными инструментами для серьезного политического консультирования, является не только следствием имплицитных ограничений бихевиоризма. Если и конфликтолог, и исследователь мира погрузятся в детали этих работ, они внезапно столкнутся с фундаментальным отсутствием точных, надежных, правдивых и сравнимых данных и со столь же фундаментальным отсутствием точных понятий, а также с крайним недостатком методов для измерения, оценки и нахождения взаимосвязи между различными факторами, причинами, структурами или функциями, относящимися как к конфликту, так и к миру.

Методы

Исследования о конфликтах и о мире не только отражают общее развитие методологии в изучении международных отношений, но и рассматриваются как научные сферы, в которых подверглись дальнейшему развитию специфические методы. В соответствии с традиционным - и сомнительным - делением на качественный и количественный анализ исследования о конфликтах и о мире пошли в разных направлениях.

В 60-е и 70-е годы исследователи конфликтов часто стремились к применению и совершенствованию количественных методов, надеясь добиться фундаментального прорыва в анализах, ориентированных на точность, и рекомендациях рационального политического выбора. Увлеченные потенциалом новых методов обработки данных и апеллируя к бихевиористским традициям и открытию усовершенствованной методологии в общественных науках США, исследования о конфликтах стали одной из субдисциплин, в которой сгруппировались сторонники количественных методов. В этом отношении выдвинулось три количественных подхода. Для изучения ядерного сдерживания и тактики переговоров актера с актером применялась систематическая теория игр. Она пыталась объяснить важные аспекты конфликта Восток - Запад и

заявляла о том, что предлагает рационализированные модели политической деятельности. Но, будучи глубоко укорененной в бихевиористской психологии, теория игр так и не избавилась от своего коренного методологического недостатка, который заключался в том, что теория игр не смогла совместить свои редуccionистские рабочие методики с намного более сложной и динамичной политической реальностью. Компьютеризованный факторный анализ (10) (как синхронический, так и диахронический) впервые позволил вести обработку данных в широких масштабах и создал ряд агрегаций данных всемирных конфликтов, определяющих "измерения" конфликтов. Описательное и причинное моделирование, основанное на различных статистических приемах, позволило (также благодаря применению компьютеров) проводить сложную и динамическую имитацию, которая была опять же призвана обеспечить не только политическое прогнозирование, но и детальные расчеты политической эффективности на единицу затрат и выбор вариантов.

В принципе такое моделирование и имитация казались перспективными: если бы можно было разработать обобщенную модель национального государства, региона или комплекса взаимодействия и симитировать различные гипотетические входные данные в модель, то стало бы возможным оптимизировать как образцы моделей, так и поведение актеров. Тем самым рационализация политики и разработка оптимального решения конфликта казались возможными. Но в действительности как надежность, так и правдивость моделей - от тех, что были использованы в исследованиях Римского клуба до более сложных, например GLOBUS, - страдали от значительных недочетов: пришлось ввести слишком много эмпирических, но недоказанных гипотез и допустить слишком много систематических погрешностей. Как и в экономике, моделирование и имитация конфликтов в большей мере превратились в академическое приключение, чем в применимую науку. Непредвзятые читатели таких анализов после изучения их результатов чувствовали себя столь же запутавшимися, как и раньше, - только на более высоком уровне изоощренности. В итоге количественный анализ не дал больше, чем его входные данные; и до тех пор пока эти входные данные вводились при большей частью бихевиористском понимании процессов и пока количественные аналитики сбрасывали со счетов подробные теоретические размышления как академическую лирику, эти методы не могли оправдать завышенных ожиданий тех, кто их применял.

Однако качественные исследования как о конфликтах, так и о мире превратились либо в высокоабстрактное теоретизирование о глобальном порядке, взаимосвязи между миром и войной и общем насильственном характере власти, либо в детальные исследования на конкретных примерах об отдельных аспектах конфликтов, например между Востоком и Западом или Севером и Югом, или об отдельных исторических и нынешних конфликтах. Авторы этих исследований не привлекала задача нахождения отсутствующего звена, т.е. обобщение эмпирических исследований отдельных казусов или поиски систематических аспектов некоторых видов конфликта, некоторых групп актеров или некоторых порядков.

Сторонники критической теории мира либо шли по стопам европейских традиций критической теории, мало интересуясь эмпирической проверкой, либо как одержимые погружались в детали конкретного "несправедливого" случая, в котором надо было занять позицию одной из сторон. По понятным причинам поглощенные проблемами милитаризованного конфликта Восток - Запад, авторы, работавшие в области как конфликтологии, так и "реалистических" исследований о мире, сосредоточили внимание на вопросах гонки вооружений, распространении вооружений и сдерживании, пренебрегая конфликтами ниже этого порога, такими, как конфликты внутри и между обществами, ныне бушующие в Восточной Европе.

Исследования о конфликтах и мире: дисциплина на стадии младенчества

Таким образом, хотя исследования о конфликтах и о мире разработали серию общих идей по поводу определения и ряд общих подходов к изучению конфликтов, на более операциональном уровне они все еще находятся на младенческой стадии. Насилие не может быть адекватно измерено, а

различные его формы не удается сопоставить друг с другом. Даже такие известные взгляды, насчет которых достигнут полный консенсус, как взаимосвязь между конфликтом и сотрудничеством, между экономикой и политикой или между экономическими и военными опорами власти, становятся сомнительными, когда мы хотим использовать их в эмпирических исследованиях. Еще более тревожит то, что увяла общетеоретическая дискуссия, шедшая в 70-е годы. Восемидесятые годы принесли с собой множество казусных исследований, но не продолжение базисных теоретических или обобщающих работ. Исчезли даже горячие методологические дебаты 70-х годов между поборниками количественного и качественного анализа, вследствие чего вновь создано гетто для первых из них, намеревавшихся перенести научные открытия, подобные тем, которые Ньютон и другие перенесли в механику, в общественные науки. В общем и целом исследования о конфликтах и о мире не только делают первые шаги, но и могут быть сравнимы с космической физикой: много накопленных знаний, но нет систематического ответа на вопросы. Хуже того, их изоляция друг от друга и интеллектуальный апартеид представляют собой плюрализм без последствий, но остается лишь то утешение, что никто не мешает спокойствию друг друга и все считают, что только они владеют истиной, хотя недовольны, что их не слушают другие.

Такая критическая оценка более чем двух десятилетий исследований о конфликтах и о мире не должна упускать из виду как позитивные явления в прошлом, так и окно возможностей, создаваемое их нынешним интеллектуальным, а также политическим кризисом. В отдельных областях, большей частью не замеченных аналитиками основного течения, исследования о конфликтах и о мире принесли интересные и многообещающие результаты. В сфере контроля над вооружениями - несмотря на все теоретические и политические ограничения - можно отметить множество концепций, подходов, эмпирических результатов и ценных политических рекомендаций, которые имеют значение не только для продолжения контроля над вооружениями, разоружения и мер укрепления военного доверия между Востоком и Западом, но и во многих других регионах, например на Ближнем Востоке, Центральной Америке и Дальнем Востоке, где операциональные концепции демилитаризации редки, хотя политическая воля к продвижению мирного процесса уже наметилась. В области исследований разрядки реполитизация международных отношений не только привела к появлению важных и всесторонних анализов и политических "больших стратегий", но часто способствовала политическому прогрессу. Это опять же имело значение не только для европейского мирного строительства, но и стало важным ориентиром для неевропейской регионализации (11). Кроме того и несмотря на многие свои проблемы, исследования Север - Юг способствовали определению стратегий позитивного мира в том, что касается современной концепции интегрированного развития. И вновь это имеет ограниченное общее, но большое частное значение. Таким образом, существует ряд областей, вопросов и тем, в которых исследования о конфликтах и о мире накопили элементы, на базе которых можно ожидать оживления всестороннего или "большого" анализа.

В связи с нынешними терзаниями исследователей конфликтов и мира по поводу проблем Югославии, Сомали, бывшего Советского Союза и других текущих милитаризованных конфликтов, существующий в наши дни кризис легитимности и компетентности исследований о конфликтах и мире, их способности внести лепту в политическое решение подобных проблем можно рассматривать как окно возможностей для переоценки прошлых и нынешних концепций, методов и результатов, чтобы вновь оживить и новаторски реорганизовать эту особую дисциплину. Обращение к прошлому, к взаимосвязи между реализмом и идеализмом и к роли политической науки для общества и в обществе, покой которого все еще тревожит объективно ненужное насилие и в котором можно было бы достигнуть гораздо более высокого уровня негативного и позитивного мира впридачу к большей и "более дешевой" безопасности, может способствовать подобному новаторству. Однако такой аналитический и политический прогресс требует не только самокритичной оценки дисциплины в целом и ее организации, но и возврата к более общему, всестороннему и целостному теоретическому подходу. Старые и новые требования к политологии, и особенно к сегодняшним исследованиям о конфликтах и о мире, состоят не столько в накоплении данных, подробном изучении отдельных стран, намеренном или нечаянном академическом изоляционизме и т.п., сколько в нахождении всестороннего ответа, интегрирующего реализм и

идеализм, прошлые и будущие результаты в различных областях и дисциплинах и политический анализ со здоровыми, законосообразными и рациональными предложениями о более оптимальных политических шагах и действиях.

1. Здесь важную роль сыграли *Journal of Peace Research*, а также находившаяся под сильным скандинавским влиянием Международная ассоциация исследований о мире (IPRA).
2. Например, на Германию, где в начале 70-х годов - в большой степени мотивированные и побуждаемые германской *Ostpolitik* - были созданы Франкфуртский институт исследований о мире (PRIF) и Германское общество по изучению мира и конфликтов (DGFK).
3. Для политической системы США характерно то, что она намного лучше пользуется своим академическим потенциалом.
4. Подробнее об этом см. в работе Р. Раджоньери в настоящем томе.
5. Управление СМИ американскими военными во время второй войны в Персидском заливе служат одним из примеров политического - и военного - влияния современных СМИ, особенно телевидения.
6. См.: Link W. *Der Ost-West-Konflikt. Die Organisation der internationalen Beziehungen im 20. Jahrhundert*. Stuttgart: Kohlhammer, 1980. Хотя эта работа несколько устарела, но по своему теоретическому и методологическому подходу все еще может служить интересным примером современных всесторонних исследований о конфликтах.
7. Выдающимся примером дефиниции и операционализации современной концепции мира все еще является работа: Czempel O. *Friedensstrategien. Systemwandel durch Internationale Organisationen, Demokratisierung und Wirtschaft*, Schoningh, Paderborn, 1986.
8. Понятие затрат, постоянно используемое в политике, редко определяется, анализируется и оценивается в политологии. Однако в сравнении с традиционным понятием затрат, применяемым в экономике, политические затраты являются не только рациональными затратами, которые сравнительно легко рассчитать, но и затратами на контроль, удержание, расширение власти и т.п. Они часто обладают высокой степенью "иррациональности", которая - если принять идею власти как сущность политики - имеет, как вскоре оказывается, свою специфическую рациональность.
9. Напомним читателю политическую дилемму разрядки: с одной стороны, она была направлена на укрепление стабильности в отношении к восточному партнеру, чтобы контролировать военную конфронтацию и приступить к совместной политике, а с другой - она подрывала эту внутривнутриполитическую стабильность благодаря своей концепции перемен, например через посредство прав человека и т.п.
10. Типичным примером этого подхода и мышления, лежащего в его основе, является работа: Rummel R.J. *Applied Factor Analysis*. Evanston: Northwestern University Press, 1970.
11. См., например, попытки усвоить уроки процесса ОБСЕ применительно к Центральной Америке, ОАЕ, Ближнем Востоку, а в последнее время - к АСЕАН и Дальнему Востоку.